

В первом томе сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» публикуются статьи, связанные с изучением нарративных и нумизматических источников XVI—XVII вв. по истории средневековой Руси. В сборник также включены статьи, посвященные истории издания летописных текстов. В ряде статей рассматриваются вопросы истории отечественной науки конца XIX—начала XX в. и анализируется многогранное наследие современников.

Один из разделов сборника посвящен анализу источников и материалов западноевропейской средневековой и шестнадцатой письменности. Среди них выделяются статьи, написанные по материалам Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

Статьи написаны учеными Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Праги. Все представленные материалы публикуются впервые.

Редакционная коллегия:

М. П. Пришвилов (зам. отв. редактора), академик Д. С. Лихачев,
чл.-корр. РАН И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская (отв. секретарь), В. Н. Плещин,
академик Н. Н. Полянский, М. Б. Свердлов, В. Г. Чернуха,
чл.-корр. РАН В. А. Шихин (отв. редактор), С. О. Шмидт, академик В. Л. Янин

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 99-01-6250д*

ISBN 5-86007-214-7

- © Археографическая комиссия РАН.
Санкт-Петербургское отделение, 2000
- © Институт российской истории РАН.
Санкт-Петербургский филиал, 2000
- © Издательство «Импринт Бузанин», 2000

М. М. КРОМ

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ РУССКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1538—1541 гг.

Посольские книги служат главным источником при изучении внешней политики России XVI в.,¹ и поэтому отсутствие их за какой-то период ставит перед исследователем непростую задачу поиска материалов, способных восполнить недостаток информации. Одним из таких «темных» периодов в истории русско-литовских отношений являются 1538—1541 гг. Соответствующая посольская книга за эти годы не сохранилась.² Время и обстоятельства ее исчезновения неизвестны: она не упоминается ни в описи архива Посольского приказа 1614 г. (что можно было бы объяснить тем, что книга 1538—1541 гг. вместе с другими была вывезена в 1612 г. в Польшу, откуда уже не вернулась), ни в составленной при Иване IV в Посольском приказе Выписке из посольских книг сношений с Польшей и Литвой за 1487—1573 гг. В этой приказной выписке вслед за информацией об ответе короля Сигизмунда I на посольство Сямы Омелянова (именно этим заканчивается дошедшая до нас посольская книга 1533—1538 гг.)³ помещена запись о приезде в Москву «лета 7050-го» литовских послов Яна Глебовича и Николая Тешоховского,⁴ что соответствует началу сохранившейся посольской книги за 1542—1544 гг.⁵ Таким образом, можно предположить, что уже к 70-м годам XVI в. интересующей нас книги в архиве Посольского приказа не было. Сгорела ли она в одном из московских пожаров (1547, 1571 гг.), или такой книги вообще не существовало (т. е. посольская документация за 1538—1541 гг. по каким-то при-

¹ См. новейшее исследование: *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV—начала XVII в. М., 1994.

² *Шеданкина Н. Б.* Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI века (По материалам Фонда сношений России с Польшей ЦГАДА) // АР за 1964 г. М., 1965. С. 52; *Рогожин Н. М.* Посольские книги... С. 59.

³ Сб. РНО. СПб., 1887. Т. 59. С. 139—143.

⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 2. Л. 587. Л. 205 об.—206.

⁵ Сб. РНО. Т. 59. С. 143 и сл.; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV—начало XVIII в.) / Сост. Н. М. Рогожин. М., 1990. С. 92.

чинам не была сведена в книгу), — определенно сказать на сегодняшний день невозможно.⁶

Тем не менее, несмотря на утрату всей русской дипломатической документации по связям с Литвой за интересующие нас годы, реконструкция русско-литовских отношений той поры представляется вполне реальной задачей — благодаря лучшей сохранности материалов, отражающих деятельность литовской дипломатии указанного времени. Ряд таких документов удалось выявить в фонде Литовской метрики (ф. 389) РГАДА; некоторые источники, проливающие свет на отношения Великого княжества Литовского с Россией в конце 30-х — начале 40-х годов XVI в., были обнаружены мною в архивах Польши — в рукописных томах коллекции дипломатических документов «Акты Томшпршш».⁷ Наконец, немало ценных сведений по данной проблеме можно извлечь из уже опубликованных источников — в частности, из изданной недавно Польским Католическим институтом в Риме части документов бывшего Кенигсбергского архива.⁸ Предлагаемый ниже обзор новых материалов, большей частью впервые вводимых в научный оборот, призван оценить качество и объем имеющейся в нашем распоряжении информации и должен стать первым шагом в работе по заполнению «белых пятен» в истории русско-литовских отношений 30—40-х годов XVI в.

Как уже говорилось, последняя запись в сохранившейся посольской книге 1530-х годов относится к миссии в Литву Саввы (Савина) Михайлова сына Оляблева-Омельянова: выехав из Москвы 23 декабря 1537 г., он должен был, согласно наказной «памяти», попросить беспрепятственного пропуска через королевские владения для великокняжеских послов, отправляемых к императору Карлу V и его брату, королю венгерскому и чешскому Фердинанду, а кроме того, представить литовской стороне перечень порубежных «обид».⁹ Далее сообщается о возвращении С. М. Омельянова из Литвы, без указания точной даты («того же лета... месяца...» — пропуск для числа), после чего помещен ответ короля Сигизмунда на это посольство.¹⁰ На этом заканчивается текст дошедшей до нас посольской книги. Заметим, однако, что даже за тот период, который эта книга охватывает (декабрь 1533 — декабрь 1537 гг.), она отражает русско-литовские отношения суммарно, далеко не полно. Так, в одной из книг записей Литовской метрики сохранилась копия письма Сигизмунда I Ягелло IV от 10 сентября 1537 г., поводом для написания которого стала жалоба армянских купцов из Львова на не-

⁶ Обращает на себя внимание тот факт, что примерно на те же годы приходится лакун в посольские книги, отражающие отношения России с Крымом (лакуны за 1540—1544 гг.) и Ногайской Ордой (за 1538—1548 гг.). См.: Рогожин Н. М. Посольские книги... С. 62, 139—140, 143—144, 183.

⁷ Об этой коллекции см.: *Marciniak R. Acta Tomisiana w kulturze politycznej Polski okresu Odrodzenia*. Warszawa; Poznań, 1983.

⁸ *Elementa ad Fontium Editiones*. Romae, 1973—1985. Vol. 30, 34—38, 43—49, 60—62. (= *Documenta ex Archivis Regiomontano ad Poloniae spectantia*) / Ed. C. Lanczkowska (далее: EFT).

⁹ Сб. РНО. Т. 59. С. 131—132.

¹⁰ Там же. С. 139—143.

обоснованное взыскание с них в Москве 160 рублей.¹¹ В русской посольской книге, доведенной до начала 1538 г., этот демарш литовского правительства в запыту своих подданных-купцов никак не отразился. Возможно, упоминание об этом письме и какой-то отклик на него русской стороны попали на страницы следующей, не дошедшей до нас книги 1538—1541 гг. Несомненно, однако, что само письмо целиком (как и другие по аналогичным поводам, о которых пойдет речь ниже) не было туда внесено: подобная переписка, касавшаяся интересов частных лиц, в посольские книги обычно не включалась. Это вполне согласуется с наблюдениями Н. М. Рогожина, отмечавшего, что в посольские книги переписывались лишь важнейшие документы, остальные же хранились в столбцах, куда они подшивались в хронологическом порядке.¹²

Ни посольская книга, ни летописи не называют точной даты возвращения С. М. Омельянова из Литвы. В Летописце начала царства, памятнике официального московского летописания середины XVI в., соответствующая статья помещена после известия о посылке 22 февраля 1538 г. гонца в Казань и начинается словами: «Тоя же зимы прииде посланиик великого государя Ивана Васильевича всея Руси Савин Олябьев от короля Жезиманта Польского...».¹³ Хронологию пребывания Олябьева-Омельянова во владениях Сигизмунда I помогают уточнить источники польского происхождения: коронные скарбовые книги, зафиксировавшие расходы казны на прием в Польше иностранных посольств (выдержки из этих книг опубликованы в начале XX в. Ф. Вержбовским¹⁴), а также переписка королевских сановников, присутствовавших при приеме московских послов Сигизмундом, с иностранными корреспондентами. Согласно запискам в коронной скарбовой книге, московский посол «Шавин» и его спутники (всего 32 человека на 50 лошадях) прибыли в Петрков, где тогда находится король, в день св. Матфея-апостола (24 февраля) и оставались там в течение 10 дней, после чего двинулись в обратный путь.¹⁵ А вот что сообщал 6 марта из Петркова секретарь короля Сигизмунда и его историограф Йодок Дейвий в письме герцогу Альбрехту Прусскому: «московиты» прибыли 25-го (февраля. — М. К.), а 27-го имели аудиенцию у короля; они не требовали ничего особенного, только просят пропустить послов к вавилонскому воеводе, к королю Фердинанду и к императору. «Мне кажется, — заканчивает Дейвий, — что завтра они уедут».¹⁶ Следовательно, если Савин Омельянов «с товарищи» покинули Петрков 7 марта, то домой они могли вернуться никак не раньше апреля.

¹¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 21. Л. 237—238.

¹² Рогожин Н. М. Посольские книги... С. 111, 121, 161.

¹³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 32.

¹⁴ Вержбовский Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. 5: Московские посольства в Польшу. Ч. 1: 1510—1585, Варшава, 1903 (далее: Вержбовский).

¹⁵ Вержбовский. С. 5 (ошибочно под 1537 г.). «10 дней» составитель реестра отсчитывает почему-то от 26 февраля.

¹⁶ ЕПЕ. 1979. Vol. 47. № 47. P. 135—136.

Об озабоченности Сигизмунда перспективами отношений с Москвой как раз накануне прибытия в Петров посольства С. М. Олябьева-Омельянова свидетельствует такой интересный документ, как послание короля на Виенский сейм, датированное 14 февраля 1538 г.: напомнив депутатам сейма, что скоро кончится первый год заключенного в минувшем 1537 г. 5-летнего перемирия с великим князем Московским, господарь призвал их «на том же сейме теперешнего часу... о том деле московском пыльне мыслити и радити», дабы за оставшееся до истечения срока перемирия время как следует подготовиться к борьбе «против оного неприятеля».¹⁷ Однако никакого принципиального решения по этому вопросу ни тогда, ни позднее не было принято: это явствует из документов, сохранившихся в составе Литовской метрики, в одной из так называемых «книг публичных дел». Среди официальной переписки господаря и высших сановников Великого княжества Литовского, скопированной в этих сборниках, есть и наказные «речи» короля Сигизмунда, адресованные напям-раде и помеченные сентябрем 1538 г. «Речи» начинаются с очередного напоминания о недалеком уже конце перемирия с Москвой и о том, что «никогого постановления» относительно обеспечения безопасности Великого княжества до сих пор не принято. Через все послание красной нитью проходит мысль о том, что Литва к войне с опасным восточным соседом не готова, и поэтому необходимы срочные меры; в качестве важнейшей из них король предлагает ввести на ближайшие три года налог («серебништу»), что, по его убеждению, даст необходимые средства для ведения успешной войны «с тем неприятелем Московским».¹⁸

Но и это красноречивое и пространное обращение не возымело действия. Как гласит другой документ из той же книги «публичных дел», первого ноября 1538 г. собравшиеся в Новгороде Литовские паны и шляхта отправили в Польшу к королю посольство. В наказных «речах», адресованных господарю, они лишь в который раз констатировали опасность, грозящую Великому княжеству со стороны Крыма и Москвы, подчеркнув, что до сих пор не решено, «которым бы обычаем по выпытати (истечении... — М. К.) оного перемирья мела оборона чинена быти тому неприятелю... Московскому», — и выразили пожелание, чтобы король прислал в Литву для выработки постановления об обороне Великого княжества.¹⁹

Продублированные документы ярко характеризуют позицию правящих кругов Великого княжества Литовского по отношению к России спустя полтора года после заключенного в феврале 1537 г. перемирия. Эта позиция была, несомненно, враждебной — при ясно осознаваемой панами и королем неготовности к новой войне.²⁰

¹⁷ *Литовский М. К. Литовско-русский сейм*. М., 1900. Приложение 17. С. 36 (из 15-й «книжки записей» Литовской метрики).

¹⁸ Литовская метрика. Отд. I—II, Ч. III. Книги Публичных дел. Т. I // РИБ. Юрьев, 1914. Т. 30. № 1. Стб. 3—7.

¹⁹ Там же. № 3. Стб. 18—19.

²⁰ Если король считал главной проблемой нехватку денежных средств, объясняя этим неудачу предыдущей войны (1534—1537 гг.) с Москвой, то паны указывали на значительное сокращение численности войска, нехватку ополчения многих земель на смолт и т. п. (РИБ. Т. 30. Стб. 5, 28—29).

Внешне, однако, русско-литовские отношения той поры сохраняли видимость миролюбия и добрососедства: между Вильно и Москвой велась дипломатическая переписка, стороны обменивались посланиями и гонцами. Осенью 1538 г., т. е. как раз в тот момент, когда король и папы обсуждали срочные меры, необходимые для обороны от «того неприятеля Московского», — при дворе Сигизмунда побывал гонец из Москвы.

Официальная летопись сообщает о посылке 11 августа 1538 г. от имени Ивана IV гонца, Ивана Дмитриева сына Кочерги, к королю Сигизмунду с грамотой, в которой, как можно понять из краткой летописной статьи, шла речь о пропуске великокняжеского посольства через королевские владения к турецкому султану.²¹ Интересно, что, повествуя об отъезде И. Д. Кочерги, летописец «забывает» сообщить о его возвращении. В поисках дополнительной информации о его миссии обратимся к другим источникам.

В скарбовой книге расходов на прием посольств записан и «гонец великого князя Московского по имени Иван», который приехал в Краков (где тогда находился король) 16 сентября 1538 г. в сопровождении всего восьми человек и пробыл там 48 дней — до 2 ноября.²² Длительное пребывание И. Д. Кочерги в Кракове засвидетельствовано и в письмах королевских саюкивков герцогу Альбрехту из польской столицы: о находящемся там московском посольстве упоминает Н. Нипшиц в послании от 11 октября 1538 г., И. Дещий — 23 октября.²³ Ценные подробности, относящиеся к тому же событию, содержатся в ответе Сигизмунда на посольство Ф. И. Суюша 1539 г. Так, выясняется, что гонец, доставивший осенью 1538 г. великокняжескую грамоту королю, звали «Иванец Дмитриев сын Семенов» (а «Кочерга», очевидно, прозвище). Здесь же пересказывается эта грамота Ивана IV и ответное послание Сигизмунда: великий князь сообщал о прибытии к нему турецкого посла Андреяна Грека и старцев со Святой Горы и о своем намерении «отпустить» их к султану вместе со своим «человеком»; в этой связи в грамоте выражалась просьба — пропустить их через владения Сигизмунда. В ответной грамоте, посланной с тем же «паробком Иванцом», король дал на это свое согласие.²⁴ Вероятно, в декабре 1538 г. И. Д. Кочерга Семенов уже вернулся в Москву, поскольку, как сообщает летопись, «декабря в 26 послал князь великий в Царствующи град к Турецкому салтану Федора Григорьевича Адашену з грамотою...».²⁵

В следующем, 1539 г., в Москве побывал посланец Сигизмунда Богуш Войткович, однако информацию об этом посольстве приходится собирать буквально по крупицам. В одну из книг записей Литовской метрики внесен реестр денежных выдач, датированный 15 августа 1539 г. Здесь среди других записей есть и такая: «А Бо-

²¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 33. То же: ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 124.

²² Вержбовский. С. 6.

²³ EFE. Vol. 47. № 293, 294. P. 183, 184.

²⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и издаваемые Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 2 (далее: АЗР). № 196. С. 356.

²⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

гушу Войтковичу, который до Москвы ходил, дано 30 коп.²⁶ Следовательно, к августу он успел уже вернуться в Литву. В той же книге Метрики среди документов августа—сентября 1539 г. помещено недатированное послание Сигизмунда I к Ивану IV, в котором король, ссылаясь на перемирные грамоты, требует восстановить справедливость и возместить убытки еврейским купцам из Бельска, испытавшим притеснения со стороны смоленского наместника.²⁷ Помимо демонстрации постоянной заботы господаря об интересах своих подданных, торгующих в России (ср. выше ходатайство за львовских купцов, 1537 г.), этот документ интересен тем, что содержит упоминание о посылке в Москву «в обидных... делех дворянина нашего (господарского, — М. К.) Богуша Войтковича», который, как можно понять из контекста, побывал там весной или в начале лета 1539 г.²⁸ Каковы же были эти «обидные дела», видно из ответа короля на посольство Ф. И. Сукина (сентябрь 1539 г.): Сигизмунд напоминает великому князю, что посылал к нему своего дворянина Богуша Войтковича, чтобы московский государь «в наших волости и села, и земли, и поды своим людем через перемирные грамоты уступатися не велел и в обидных делех нашим людем со всеми людьми казал справедливость учинити...».²⁹

Упомянутое выше посольство Ф. И. Сукина явилось, очевидно, ответным шагом русского правительства на предъявленные литовской стороной через Богуша жалобы и претензии. Когда Ф. Сукин выехал из Москвы — точно неизвестно: Летописец начала царства, единственный летописный памятник, зафиксировавший дипломатические контакты с Литвой (хотя и не все) за 1538—1541 гг., проявляет здесь, как и в описанном выше случае с миссией И. Д. Кочерги, странную непоследовательность: сообщается только о *возвращении* Федора Сукина из Литвы (24 октября), а о его посылке туда не говорится ни слова!³⁰ Вновь приходится обращаться к источникам польско-литовского происхождения. В королевой скарбовой книге под 1539 г. упомянуты послы великого князя Московского «Хфедур Иванович Сукин и Димитр Антресевич Хлопов». Они прибыли (со свитой, насчитывавшей 32 человека, на 50 лошадей) в Краков 4 сентября и, проведя в польской столице 12 дней, 15 сентября 1539 г. отправились в обратный путь.³¹ Они повели в Москву ответ Сигизмунда; текст его сохранился в составе Литовской метрики.³²

Документ этот озаглавлен: «Отказ великого господаря Жыжгимонта, божью милостью короля Польского и великого князя Литовского, против посольства великого князя Ивана Васильевича

²⁶ РГАДА, Ф. 389, Оп. 1, Д. 23, Л. 125 об.

²⁷ Там же, Л. 146 об.—147.

²⁸ Там же, Л. 147.

²⁹ Там же, Д. 7, С. 1227 (опубл. неправо: АЗР, Т. 2, С. 355).

³⁰ ПСРЛ, Т. 29, С. 36. То же: ПСРЛ, Т. 13, Ч. 1, С. 130.

³¹ Вержбовский, С. 6—7.

³² РГАДА, Ф. 389, Оп. 1, Д. 7, С. 1225—1230. Документ опубликован (АЗР, Т. 2, № 196, С. 354—357) с множеством неточностей, поэтому я цитирую его по архивной книге Метрики.

посланнику его Федору Иванову сыну Сукину». В самом тексте ответных «речей» даты нет, но при внесении их в Метрику копиямст сделал такую вступительную помету: «Лета Божьего 1539, месяца... (пропуск для месяца и числа. — М. К.) день, июльдыхт 12. Тот отказ послом московским вынесен от короля его милости sprawy пана Михайловы, будучи королем его милости у Кракове».³³ Упомянутый здесь «пан Михаил» — это, по всей вероятности, писарь Михайло Васильевич Свинопокий, деятельность которого в канцелярии Великого княжества Литовского пришлась на 1510—1545 гг.³⁴ Можно полагать, что он находился при особе господаря в Кракове в сентябре 1539 г. и именно его рукой были написаны ответные «речи», врученные от имени короля московским послам.

Ответные «речи» начинаются, как было тогда принято, с подробного пересказа посольских «речей»: так мы узнаем, с чем был послан к королю Федор Сукин. Прежде всего от имени Ивана IV был заявлен протест по поводу посягательств литовских подданных на московские владения: де «сиуды» из Полоцка «огнимають села себежские Мочажо а Деднюю», из Мстиславля «уступаються у смоленские села», а из Чигерска — стародубские и т. п.³⁵ В ответ на это литовская сторона предъявила контрпретензии, указав на «кривды и обиды», чинимые господарским подданным московскими наместниками и «торубежскими людьми». Другим поводом для жалобы, также описанной Ф. И. Сукиным, явились злочисления Ф. Г. Адашева и его спутников, отправленных к суптану, во владениях короля, через которые они проезжали: их-де задержали на несколько месяцев, оскорбляли, взяли с них пощлины и т. д. Литовская сторона отвергла эти обвинения, заявив, что пощлины, как обычно, были взяты с «тых гостей и кутыцов, которых при них (Ф. Адашове и афонских старцах. — М. К.) шли», «а жадное (никакой. — М. К.) соромоты и нечести, и инкоторое кривды и обиды им в пальстве наилом ся не стало...».³⁶ Далее король снова перевел разговор на «кривды и обиды», причиненные его подданным: список этих «обидных дел» он вручил послу для передачи московскому государю — с просьбой разобраться и восстановить справедливость.³⁷

В целом описанный выше документ дает нам редкую для изучаемого периода возможность подробно ознакомиться с содержанием русско-литовских переговоров 1539 г., вводит нас в круг проблем и противоречий, существовавших тогда в отношениях двух соседних держав. Для последующих лет (1540—1541 гг.) мы вновь должны довольствоваться крупицами информации, рассыпанными по различным источникам.

Заслуживает внимания одна фраза из королевского послания, адресованного сеймам отдельных земель Польского государства; судя

³³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. С. 1225.

³⁴ См.: Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVIII wieku. Spisy / Oprac. H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik, 1994. S. 126 (№ 927).

³⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. С. 1225—1226.

³⁶ Там же. С. 1229—1230.

³⁷ Там же. С. 1230.

по расположению этого недатированного текста среди других документов в рукописном томе «Акта Томипиния», его можно отнести к сентябрю 1539 г.: «...Его Королевскому Величеству необходимо отправиться в Вильно, ибо уже приближается конец перемирия, заключенного им с московитами; Его Величеству предстоит обсудить с советниками Великого княжества, продлить ли перемирие или принять какое-либо другое решение в отношении московитов...».³⁸ Хотя посещение Литвы было затем надолго отложено (видимо, из-за тяжелой болезни короля): в Вильно Сигизмунд прибыл только в мае 1540 г.,³⁹ и, соответственно, раньше этого времени его совещание с панам и радой не могло состояться, приведенное выше заявление весьма интересно и как свидетельство обеспокоенности господаря проблемами русско-литовских отношений, и как показатель неопределенности, по-прежнему существовавшей у литовского правительства по поводу будущего курса в отношении Москвы. Эта неопределенность (война или продолжение перемирия), отмеченная нами выше применительно к 1538 г., сохранялась, как видим, и год спустя.

Тревога за безопасность восточных рубежей Великого княжества Литовского чувствуется в распоряжениях Сигизмунда начала 1540 г. 25 января король послал дворянина для организации работ по ремонту Кленской крепости (с наказом: «новый замок надо добре заробити и гораздо справити — так, яко быхмо в час потреби от неприятеля могли его безпечны быти»);⁴⁰ 10 февраля 1540 г. аналогичное распоряжение было отдано в отношении Мстиславского замка.⁴¹ 28 февраля того же года Сигизмунд отправил из Кракова послание вдове вилenskого воєводы Ольбрахта Гашгольда Софье и ее сыну Станиславу, воєводе новогрудскому; в этом письме передавалась, со ссылкой на гетмана Юрия Радзивилла, приведенная с «украи» тревожная весть: будто «люди великии московскии, сорок тысяч, у Нонего[ро]дцы Сєвирском поготовю стоять и злый умысл на полѣство наше мають, и теж под замок ваш (т. е. принадлежащий Гашгольдам. — М. К.) Остр хочуть полѣтянути и его мошце добывати...».⁴² Послание заканчивается строгим господарским приказом Гашгольдам: укрепить Остерский замок и приготовить его к возможной обороне.⁴³ Имелись ли реальные основания для подобных слухов, мы не знаем; известно лишь, что тогда никакого вторжения московских войск в литовские пределы не произошло. Тем не менее ценность процитированного выше известия в том, что оно ярко характеризует напряженную, полную тревожных слухов атмосферу на русско-литовской границе зимой 1540 г.

Отрывочность наших сведений не позволяет судить о том, как складывалась обстановка на границах России и Литвы в последую-

³⁸ Biblioteka Jagiellońska w Krakowie (далее BJ). Rkp 6560 III. S. 14. Другой список: Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (далее BCzart). Rkp 278. S. 13.

³⁹ 24 мая 1540 г. — уже в Вильно (BJ. Rkp 6560 III. S. 151). О болезни короля см.: Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków. Lwów, 1890. T. IV. S. 576.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 23. Л. 177 об.—178 об. (цитата — д. 178).

⁴¹ Там же. Л. 179 об.—180.

⁴² Там же. Л. 196 (весь документ — л. 195 об.—196 об.).

⁴³ Там же. Л. 196—196 об.

ице время, в течение 1540—1541 гг. Во всяком случае внешне, на дипломатическом уровне, отношения двух держав летом 1540 г. выглядели вполне миролюбиво. Именно в таком добрососедском духе выдержано сообщение Летописца начала царства о прибытии в Москву 8 августа литовского посланника Николая Ивановича «з грамотою и с поздравлением». «И князь великий, — продолжает летописец, — почтив, королева человека отпустил того же месяца 12, а х король приказал поклои». ⁴⁴ Никакой дополнительной информации о посольстве Н. Ивановича и содержании проходивших в Москве переговоров мы не располагаем, но для того, чтобы разобраться в истинной позиции литовского правительства по отношению к восточному соседу, полезно обратиться к некоторым высказываниям Сигизмунда в его переписке с польскими сановниками. 11 августа 1540 г., т. е. в то самое время, когда Иванович находился в Москве, король в послании краковскому епископу Петру Гамриту написал следующее: «Что касается татар, мы надеемся, что в этом году с их стороны не возникнет опасность, ибо им от нас посылается денежный дар (*donativum*), что, как мы рассчитываем, может склонить их к тому, что они обратят оружие против москвитов». ⁴⁵ Те же надежды Сигизмунд выражает в письме коронному гетману Яну Тарнобскому от 9 августа, сообщая, в частности, об обещании татарских послов, что крымцы вторгнутся в Московию. ⁴⁶ О несомненной антимосковской направленности литовско-крымских переговоров свидетельствует и сохранившийся в коллекции «Актя Томиянина» фрагмент послания хана Сахиб-Гирея королю Сигизмунду, датированный 25 апреля 947 г. (1540 г. от Р. Х.) В этом послании хан обещает своему союзнику вернуть ему «замки и земли», которые великий князь Московский «несправедливо, предательски» забрал у королей Казимира, Александра и самого Сигизмунда. ⁴⁷ Таким образом, обмен посольствами с Москвой происходил на фоне постоянных усилий литовской дипломатии направить воинственных крымцев на соседнее Русское государство.

После августа 1540 г. и до начала 1541 г. мы не располагаем достоверной информацией о русско-литовских дипломатических контактах. Есть, правда, одно загадочное известие, которое содержится в письме королевского секретаря Н. Ниппица прусскому князю Альбрехту от 23 сентября 1540 г. Там сообщается, что послы, которые должны продлить перемирие между королем и великим князем Московским, находятся уже в пути (*unterwegen*). ⁴⁸ Однако о прибытии московских послов в Вильно осенью 1540 г. или об отправке тогда же литовской миссии в Москву для переговоров о мире ни один источник не сообщает; доверие же к приведенному известию Ниппица снижается тем обстоятельством, что в описываемое время он находился не в Вильно (где тогда пребывал Сигизмунд), а в Познани. Поэтому упомянутая информация, полученная

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 37; Т. 13. Ч. 1. С. 133.

⁴⁵ BJ. Rkps 6560 III. S. 218. То же в другом списке: BCzart. Rkps 278. S. 191.

⁴⁶ BJ. Rkps 6560 III. S. 202; BCzart. Rkps 278. S. 179.

⁴⁷ BJ. Rkps 6560 III. S. 206.

⁴⁸ EJE. 1979. Vol. 48. № 376. P. 129.

Нипшицем, несомненно, из вторых рук, больше похожа на слух, в котором желаемое выдается за действительное.

Надежные известия о прибытии посланца из Москвы относятся только к январю 1541 г. 15 января П. Опадливский сообщал Альбрехту Прусскому из Вишны, что «гонца из Московии через день прибудет сюда». ⁴⁹ А 21 января другой придворный Сигизмунда, Т. Соборский, извещал того же адресата: «От московитов прибыл гонец к сенаторам Княжества (имеются в виду паны-рада. — М. К.) для переговоров о продлении перемирия». ⁵⁰ Указание на то, что гонец был прислан к панам-раде, позволяет привлечь другие источники и прояснить характер этой миссии. В посольских «речах» Я. Ю. Глебовича и Н. Я. Техоновского, прибывших 1 марта 1542 г. в Москву для переговоров о мире, кратко излагается ход предыдущих дипломатических контактов обеих сторон. Выясняется, что бояре кн. Д. Ф. Бельский и И. Г. Морозов, с дозволения великого князя, посылали к литовским панам, вильнскому епископу Павлу и гетману Юрию Радзивиллу, с напоминанием о скором истечении срока перемирия и предложением начать переговоры, дабы избежать пролития христианской крови. В ответ паны отправили к названным боярам своего посланца Щасного с грамотой, продолжавшей переговорную тему. ⁵¹ Дата приезда Щасного в Москву известна из летописи: 23 марта 1541 г. ⁵² Таким образом, можно утверждать, что московский гонец, прибывший в середине января в литовскую столицу, был неизвестным нам по имени посланцем бояр, сделавших тем самым первый шаг к началу переговоров, увенчавшихся более года спустя возобновлением перемирия.

В нашем распоряжении есть еще один источник, недвусмысленно свидетельствующий о том, что инициатива начала мирных переговоров принадлежала именно московской стороне. В XVII-м томе рукописной первой редакции (по классификации Р. Марчиньска) «Акта Томницяна», так называемой «ягеллонской» коллекции, ⁵³ содержится любопытный документ, озаглавленный: «Мнение короля Сигизмунда Августа о мире с московитами — из письма к королеве-матери» ⁵⁴ (заголовок, конечно, дан составителем коллекции Станиславом Гурским намного позднее описываемых событий). Это целый трактат, занимающий в кодексе три страницы. ⁵⁵ Даты он не имеет, позже помещен документ, помеченный 20 октября 1541 г. ⁵⁶

Как известно из текста этого сочинения, королева Бона послала сыну, наследнику престола, копию «писем из Московии» (*scripta litterarum ex Moscovia*), желая знать его мнение по этому делу. Ответное послание Сигизмунд Август начал с «исторической справки:

⁴⁹ EFE. 1975. Vol. 36. № 663. P. 100.

⁵⁰ Ibid. № 664. P. 101.

⁵¹ Сб. РНО. Т. 59. С. 150.

⁵² ПСРЛ. Т. 29. С. 39.

⁵³ См.: Marcinlak R. Acta Tomiciana..., zvezka № 2. S. 186—189.

⁵⁴ «Pacis Moscovitice sententia Regis Sigismundi Augusti ex Epistola ad Matrem Regiam».

⁵⁵ BJ. Rkps 6561 III. S. 5—7. В другой редакции (с незначительными различиями) BCzart. Rkps 280. S. 5—7.

⁵⁶ BJ. Rkps 6561 III. S. 9.

«Мы слышим с самых давних времен, что наши предшественники, литовские князья, по древнему обычаю всегда первыми просили мира у московитов через своих послов, от какового обычая князья Московские никогда ни в малейшей степени не могли отступить...»⁵⁷ «Теперь же, как достаточно ясно из копий [писем] московских советников, — продолжает Сигизмунд Август, — сами советники этого князя, без всякого побуждения со стороны Вашего Величества посредством посольства или писем, по доброй воле настойчиво просили (interpellarunt) своего князя о мире; по их совету и по собственному побуждению Князь, без просьбы Вашего Величества, заявил ны, что намерен и согласен соблюдать вечный мир с Вашим Величеством, пусть только для его заключения Ваше Величество соизволит прислать своих послов... Что, по нашему мнению, соответствует достоинству Вашего Величества», — так комментирует молодой король предложения «московитов».⁵⁸

Используя указание на «писема московских советников», т. е. бояр, можно попытаться определить, когда Сигизмунд Август изложил на бумаге свое «мнение» по поводу перспектив отношений с Москвой. Под «письмами» (во множественном числе), вероятно, следует понимать не только первое боярское послание, доставленное в Вильно в январе 1541 г., но и ответную грамоту, врученную в марте посланцу пянов Щасному. Содержание последней, известное нам в кратком летописном пересказе, близко к тому, что передает в своем изложении Сигизмунд Август: согласно Летописцу начала царства, кн. Д. Ф. Бельский и «иные бояре человека бискупова (Щасного. — М. К.) отпустили, а с ним писали, что хотят великого государя на то умолити, чтобы государь вперед похотел с королем в миру быти, а король бы прислал своих больших послов».⁵⁹ Вместе с тем, поскольку Сигизмунд Август не упоминает о посольстве от имени самого Ивана IV, которое было принято старым королем в Вильно в июле 1541 г. (см. ниже), это «Мнение» можно датировать весной — началом лета того же года.

Главная проблема, над которой размышляет автор анализируемого сочинения, такова: стоит ли во имя королевского престижа дожидаться, пока «московиты» первыми пришлют своих послов для заключения мира? Не вызовет ли подобное промедление нежелательную войну с ними? Конечно, рассуждает Сигизмунд Август, недурно было бы с помощью такой задержки и откладывания вопроса «смирить гордыню московитов». Но что подобные задержки приносят в прошлом? «Никак мы не убедимся в том, — заявляет автор трактата, — что московиты слишком напыщенные люди, чтобы отказаться от своего обыкновения (вести переговоры о мире у себя. — М. К.), и я не вижу, что могло бы их к этому принудить...» «Если после стольких месяцев бесплодного ожидания, — продолжает молодой король, — они воздержатся от посылки к нам [послов], что еще останется делать, кроме как вести с ними войну, к которой мы не

⁵⁷ Ibid. P. 5.

⁵⁸ Ibid. P. 5—6.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 39; Т. 13. Ч. 1. С. 136.

готовы». К тому же не до конца решены проблемы с Ливонией, «и с татарами не вполне надежен мир, и с Валахией наше соседство недостаточно безопасно». Наконец, ополчение Великого княжества настолько не подготовлено, что без привлечения наемников оно не сможет успешно противостоять вторгнувшимся москвитам. В случае же проигрыша войны с куда большим позором придется просить у них мира.⁶⁰ И хотя заканчивая свои рассуждения, Сигизмунд Август отказывается дать королеве-матери какой-либо совет, уповая на мудрость своих августейших родителей и предоставляя им решение этого дела, его собственная позиция по данному вопросу совершенно ясна.

По-видимому, «Мысли о мире с москвитями» отразило те колебания и сомнения, которые существовали тогда в придворных кругах по поводу дальнейшей политики в отношении России. В этой обстановке летом 1541 г. в литовскую столицу прибыло московское посольство. Первое упоминание о нем находим в письме королевого подканцлера С. Мачесевского Альбрехту Прусскому от 27 июня 1541 г.: здесь сообщается, что в Вильно находятся турецкие, молдавские и московские послы, но из-за болезни короля они еще не получили аудиенции.⁶¹ 13 июля другой вильенский корреспондент Альбрехта, Г. Тарло, извещал его, что «завтра (т. е. 14 июля. — М. К.) Его Величество намерено выступить московское посольство».⁶² Наконец, 16 июля С. Мачесевский написал Альбрехту: «Московский посол выступил: желает мира. Ничего ему пока не отвечено».⁶³ Кто же был этот не названный по имени посол? В «речах» прибывших в Москву в начале 1542 г. литовских представителей кратко излагаются предыдущие стадии переговоров обеих сторон, и при этом упомянут посланец Ивана IV сын боярский Федор Загряжский, который на словах передал Сигизмунду от имени своего государя, что, согласно ранее заключенному перемирию, стороны обязались за время его действия обмениваться «великими послами» с целью достижения «вечного мира»; великий князь присылал к королю своих «великих послов» В. Г. Морозова «с товарищи» (и 1537 г. — М. К.), Сигизмунд же с тех пор так и не приклат свое «великое посольство» в Москву. Далее Ф. Д. Загряжский заявил, что великий князь не хочет видеть «разлипия крови христианской», напомнил о персидские бояр с литовскими панами, и в заключение передал от имени Ивана IV: если король захочет с великим князем «миру и добрые змолны мети», пусть пришлет к нему своих «великих послов»; это предложение сопровождалось вручением королю «опасной грамоты», гарантировавшей свободный проезд в Москву его представителей.⁶⁴ (Эта «опасная грамота», датированная 7049 г., дошла до нас в составе Литовской метрики, где она соседствует с документом от августа 1541 г.⁶⁵). Заметим, что московский посол,

⁶⁰ BJ. Rkps 6561 III. S. 6.

⁶¹ EFT. Vol. 36. № 692. P. 144.

⁶² Ibid. 1978. Vol. 43. № 15. P. 11.

⁶³ Ibid. Vol. 36. № 696. P. 147.

⁶⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 150—151.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 28. Л. 34 об.

принятый королем 14 июля, произнес речь, а не просто вручил грамоту, т. е. он правил посольство именно так, как, судя по приведенному выше изложению «речей» литовской делегации 1542 г., это делал Ф. Загряжский. Если к тому же учесть, что в польских и литовских источниках зафиксировано за 1541 г. прибытие лишь двух дипломатических миссий из Москвы, причем в первом случае (в январе), как показано выше, речь шла о голице, отправленном к панам-раде, и лишь во втором случае (летом) — о посланце к самому королю, — то с большой степенью вероятности можно предположить, что московский посол, дожидавшийся в июне—июле 1541 г. аудиенции у большого Сигизмунда Старого, был именно Федор Загряжский.

С каким ответом он вернулся в Москву, мы не знаем. Во всяком случае можно утверждать, что к осени 1541 г. литовское правительство, отбросив колебания, сделало, наконец, выбор в пользу мира с Москвой, решившись предпринять соответствующие дипломатические шаги. Об этом свидетельствует высказывание Сигизмунда I из его послания к гнзненскому архиепископу Петру Гамрату от 11 сентября 1541 г.: «Мы собираемся назначить послов в Московию [для переговоров] о мире; на каких условиях он может быть заключен, ясности [пока] не имеем...».⁶⁶

13 декабря 1541 г. в грамоте, адресованной оршанскому наместнику кн. В. Ю. Толочинскому, и в аналогичных «листах», посланных другим пограничным державцам, король сообщил о назначении, после совета «со всеми паны радами нашими», послов в Москву: ими стали полоцкий воевода Ян Юрьевич Глебович, подстолий и староста мельничков Николай Янович (Техоновский. — М. К.) и писарь Николай Андросевич; в связи с их скорым прибытием на границу господарь отдал наместникам «украиновых» городов ряд распоряжений.⁶⁷ 20-м декабря датирована верительная грамота послам, подтверждающая их полномочия на заключение мира (ее текст скопировал в 28-й книге Метрики).⁶⁸ В феврале 1542 г. послы прибыли на российскую границу.⁶⁹ На этом мы можем закончить свой обзор: дальнейший путь литовского посольства в Москву и сам ход переговоров подробно освещены в сохранившейся посольской книге 1542—1544 гг.

Подведем итоги. Прежде всего, как показало проведенное исследование, имеющихся в нашем распоряжении источников вполне достаточно для восстановления внешней канвы событий: определения хронологической последовательности дипломатических миссий, выяснения имен их участников. Кроме того, как правило, нам известно — с большей или меньшей подробностью — и само содержание посольств и дипломатической переписки. Вместе с тем

⁶⁶ ВЛ. Ркз 6560 III. S. 707—708.

⁶⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссіею. СПб., 1863. Т. 1. № 106. С. 111—112 (из 28-й книги Литовской метрики).

⁶⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 28. Л. 74—74 об. Опубл.: АЗР. Т. 2. № 215. С. 379—380. Текст верительной грамоты внесен и в посольскую книгу, см.: Сб. РНО. Т. 59. С. 149.

⁶⁹ Сб. РНО. Т. 59. С. 145.

необходимо отметить определенную односторонность нашей информации, обусловленную характером сохранившихся источников: за редким исключением, почти все они польско-литовского происхождения. Поэтому если о позиции литовского правительства в отношении России на протяжении изучаемого периода мы можем составить достаточно полное представление, то о планах московских политиков в отношении Литвы нам остается только догадываться: здесь сказывается трудновосполнимая утрата русской посольской книги за 1538—1541 гг. В целом, однако, проанализированные выше источники, если их рассматривать в контексте тогдашней ситуации в Восточной Европе, с учетом влияния других государств региона (особенно Крыма), могут стать надежной основой для реконструкции русско-литовских отношений указанного времени.